
З В Е З Д Ы Д Е Т Е К Т И В А

ЗИГМУНТ МИЛОШЕВСКИЙ ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ

Премия «Большой Калибр» за лучший детективный роман

Лауреат премии «Paszport Polityki» за выдающиеся достижения в области литературы

Звезды детектива (АСТ)

ЗИГМУНТ МИЛОШЕВСКИЙ

Переплетения

«Издательство АСТ»

2007

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)

Милошевский З.

Переплетения / З. Милошевский — «Издательство АСТ»,
2007 — (Звезды детектива (АСТ))

ISBN 978-5-7516-1334-1

Наутро после групповой психотерапии одного из ее участников находят мертвым. Кто-то убил его, вонзив жертве шампур в глаз. Дело поручают прокурору Теодору Шацкому. Профессионал на хорошем счету, он уже давно устал от бесконечной бюрократической волокиты и однообразной жизни, но это дело напрямую столкнет его со злом, что таится в человеческой душе, и с пугающей силой некоторых психотерапевтических методов. Просматривая странные и порой шокирующие записи проведенных сессий, Шацкий приходит к выводу, что это убийство связано с преступлением, совершенным много лет назад, но вскоре в дело вмешиваются новые игроки, количество жертв только растет, а сам Шацкий понимает, что некоторые тайны лучше не раскрывать ради своей собственной безопасности. Непредсказуемые, зловещие и запутанные «Переплетения» – это один из лучших детективов Восточной Европы последних нескольких лет.

УДК 821.162.1

ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-7516-1334-1

© Милошевский З., 2007

© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Раздел первый	6
Раздел второй	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Зигмунт Милошевский

Переплетения

Плохих людей нет, есть только запутавшиеся.
Берт Хеллингер¹

Монике – тысячекратно

Zygmunt Miłoszewski
UWIKŁANIE

Перевод с польского Анатолия Нехая

Переплетения / Зигмунт Милошевский. – Москва: АСТ, 2020

© Grupa Wydawnicza Foksal, 2007

© Анатолий Нехай, перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Раздел первый

Воскресенье, 5 июня 2005 года

Большой успех возрожденного фестиваля в Яроцине², десять тысяч слушателей с восторгом принимали группы «Джем», «Армия» и «ТСА». А «Поколение JP2» выступило на ежегодном молитвенном собрании в Леднице. Збигнев Релига³ заявил, что примет участие в президентских выборах и хотел бы стать «кандидатом национального согласия». На юбилейном, десятом, авиатикнике в Гурашке показали два истребителя F-16, которые вызвали у собравшихся энтузиазм. В Баку польская команда выиграла у Азербайджана с разгромным счетом 3: 0, а тренер хозяев напал на судьбу. В Варшаве полицейские раздавали водителям ужасные снимки жертв автомобильных аварий с целью их предупреждения, на Мокотуве⁴ загорелся пассажирский автобус № 122, а на улице Киновой опрокинулась машина «скорой помощи», перевозившая печень для пересадки. Водитель, санитарка и врач попали в больницу со множественными ушибами, а печень осталась целой и в тот же день была пересажена пациенту в клинике на улице Банаха. Максимальная температура в столице – 20 градусов тепла, временами осадки.

1

– Позвольте рассказать вам сказку. Давным-давно в маленьком провинциальном городке жил себе плотник. Жители городка не могли похвастаться богатством, новые столы и стулья были им не по карману, поэтому и плотник бедствовал. Он еле сводил концы с концами, и чем старше становился, тем меньше верил, что его судьба может измениться к лучшему, хотя желал этого, как никто другой. Ведь у него росла красавица дочь, и он хотел, чтобы ей в жизни повезло больше, чем ему. Однажды летним днем к дому плотника приблизился богач. «Плотник, – сказал он, – ко мне приезжает брат, которого я давно не видел. Я хочу сделать ему подходящий подарок, а поскольку он приедет из страны, богатой золотом, серебром и драгоценными камнями, я решил, что это должна быть необыкновенной красоты деревянная шкатулка. Если ты закончишь ее до воскресенья ближайшего полнолуния, больше никогда не будешь жаловаться на бедность». Плотник, конечно, согласился и немедленно приступил к работе. Работа была исключительно сложная и трудная, он хотел объединить разные породы деревьев и украсить шкатулку изображениями сказочных зверей. Плотник мало ел и почти не спал – только работал. Тем временем весть о визите богача и необычайном заказе быстро разнеслась по городку. Жители с большой симпатией относились к скромному плотнику, что ни день кто-нибудь приходил с добрым словом и трудился в столярке. Пекарь, купец, рыбак, даже шинкарь – каждый брался за долото, молоток или напильник, желая помочь плотнику закончить работу в срок. Увы, никто не умел работать так, как плотник, и дочка с грустью видела, как отец, вместо того чтобы сосредоточиться на заказе, вынужден поправлять испорченное друзьями. Однажды утром, когда до крайнего срока оставалось четыре дня и отчаявшийся плотник начал рвать волосы на голове, дочь встала у дверей дома и прогоняла всех, кто приходил помочь. Городок обиделся, о плотнике говорили не иначе как о грубияне и невеже, а о его дочери –

² Фестиваль в Яроцине — старейший в Польше фестиваль рок-групп; проходит ежегодно, начиная с 1980 года, в маленьком городке Яроцин Великопольского воеводства.

³ Збигнев Релига (1938–2009) – польский кардиохирург и политик, первым в Польше сделавший пересадку сердца (1985).

⁴ Мокотув — один из центральных районов левобережной Варшавы, лежащий на двух уровнях – Гурный (Верхний) и Дольный (Нижний) Мокотув.

как о невоспитанной старой деве. Если бы я хотел сказать вам, что плотник, хоть и потерял друзей, очаровал богача тонкой работой, это было бы неправдой. Потому что в воскресенье после полнолуния, когда богач пришел за заказом, он выбежал из его дома в бешенстве и с пустыми руками. Лишь много дней спустя плотник закончил шкатулку и подарил ее дочери.

Цезарий Рудский закончил рассказ, откашлялся и налил себе кофе из термоса. Троица его пациентов, две женщины и мужчина, сидела по другую сторону стола, не хватало только пана Хенрика.

– И какая в этом мораль? – спросил мужчина, сидевший слева, Эuzeбиуш Каим.

– Такая, какую вы сами отыщете, – отвечал Рудский. – Я понимаю, о чем говорю, но вам лучше знать, что вы сами желаете понять и какой смысл ищете. Сказки не комментируют.

Каим умолк, Рудский тоже ничего не говорил, лишь поглаживал бороду, которая, по мнению некоторых, делала его похожей на Хемингуэя. Он задумался, стоит ли касаться событий предыдущего дня. В соответствии с собственными принципами – нет. Но все же...

– Пользуясь отсутствием пана Хенрика, – сказал он, – я хотел бы напомнить всем, что не комментируют не только сказки. Мы не комментируем и ход лечения. Это один из наших принципов. Даже если сеанс был таким интенсивным, как вчера. Тем более нам следует хранить молчание.

– Почему? – спросил Эuzeбиуш Каим, не поднимая лица от тарелки.

– Потому что в этом случае мы заслоним словами и попытками интерпретации то, что нам открылось. А истина должна начать действовать сама и найти дорогу к нашим душам. Было бы нечестно по отношению к нам загубить ее в ученой дискуссии. Поверьте мне, так будет лучше.

Все молча продолжили есть. Июньское солнце проникало через узкие, напоминающие бойницы, окна и украшало темный зал светящимися полосками. Помещение было очень скромное. Длинный деревянный стол без скатерти, несколько стульев, распятие над дверями. Шкафчик, электрический чайник, крохотный холодильник. Больше ничего. Когда Рудский открыл это место – приют отшельников в центре города, – он был восхищен. Врач решил, что церковные помещения больше подойдут для психотерапии, чем арендованные им ранее агротуристические хозяйства. И был прав.

Хотя в том же здании размещались костел, школа, поликлиника и несколько частных фирм, а рядом проходила Лазенковская трасса⁵, в нем было очень спокойно. А именно в спокойствии его пациенты нуждались больше всего.

Спокойствие имеет свою цену. Здесь отсутствовала кухонная утварь, пришлось покупать холодильник, чайник, термос и комплект столовых приборов. Обеды заказывали в городе. Пациенты жили в одиночных кельях. Кроме того, к их услугам была маленькая трапезная, в которой они теперь сидели, и небольшой зал, где проходили сеансы. Его венчал крестообразный купол, опирающийся на три толстые колонны. Конечно, не крипта Леонарда⁶, но, по сравнению с комнаткой, где Рудский обычно принимал пациентов, выглядела она почти так же.

Теперь, однако, он сомневался, не выбрал ли место слишком мрачное и замкнутое. Кажется, высвобождавшиеся во время сеансов эмоции оставались в этих стенах, отскакивая от них, словно каучуковый мячик, и попадали рикошетом в каждого, кто имел несчастье там оказаться. Он был еле жив после вчерашних событий и радовался, что скоро все закончится. Хотелось выйти отсюда как можно быстрее.

Он глотнул кофе.

Ханна Квятковская, тридцатипятилетняя женщина, сидевшая напротив Рудского, крутила в пальцах ложечку, не сводя с него глаз.

⁵ Лазенковская трасса соединяет центр Варшавы с ее правобережной частью (Прагой) по построенному в 1970-е годы Лазенковскому мосту через Вислу.

⁶ Крипта Святого Леонарда располагается под собором Святых Станислава и Вацлава в Кракове. Ее построили в XI веке. В ней похоронены многие короли и общественные деятели, в том числе Костюшко.

– Да? – спросил он.

– Я волнуюсь, – произнесла она деревянным голосом. – Уже четверть десятого, а пана Хенрика все нет. Может, сходить посмотреть, все ли в порядке, пан доктор?

Он встал.

– Посмотрю. Я думаю, пан Хенрик просто отсыпается после вчерашних эмоций.

По узкому коридорчику (в этом доме все было узким) он дошел до комнаты Хенрика. Постучал. Молчание. Постучал еще раз, более решительно.

– Пан Хенрик, подъем! – крикнул он через двери.

Подождав еще секунду, он нажал на ручку и вошел в комнату. Пусто. Постель застелена. Личных вещей нет. Рудский вернулся в трапезную. Три головы одновременно повернулись в его сторону, будто росли из одного туловища. Ему вспомнился трехглавый дракон на иллюстрации в детской книжке.

– Пан Хенрик нас покинул. Пожалуйста, не принимайте на свой счет. Не в первый и не в последний раз пациент внезапно отказывается от лечения. Особенно после такого интенсивного сеанса, как вчера. Надеюсь, пережитое подействует и ему станет лучше.

Квятковская даже не вздрогнула. Каим пожал плечами. Барбара Ярчик, последняя из троицы – до недавнего времени четверки – его пациентов, взглянула на Рудского и спросила:

– Это конец? В таком случае и мы можем идти домой?

Терапевт отрицательно помотал головой.

– Прошу вас на полчаса пройти в свои комнаты, отдохнуть и успокоиться. Ровно в десять соберемся в зале.

Вся троица – Эuzeбиуш, Ханна и Барбара – закивали и вышли. Рудский прошел вдоль стола, проверил, не остался ли в термосе кофе, и налил себе полную чашку. Ругнулся – забыл оставить в чашке место для молока. Теперь у него был выбор – вылить или отпить. Он не переносил вкус черного кофе. Отлил немного в мусорную корзину. Добавил молока и встал у окошка. Смотрел на проезжавшие мимо автомобили и стадион на другой стороне улицы. Как эти позорники вчера снова умудрились проиграть матч, подумал он. Теперь им даже серебряных медалей не видать, не поможет и недавнее унижение «Вислы»⁷, и победа со счетом 5: 1 две недели назад. Но, может, удастся, по крайней мере, завоевать кубок; завтра – первый полуфинал с «Гроцлином». Тем самым, которого «Легии»⁸ ни разу не удалось победить за последние четыре года. Снова какое-то дьявольское проклятие.

Он тихо засмеялся. Невероятно, как работает человеческий мозг, если у него хватает ума заниматься ситуацией в высшей лиге. Поглядел на часы. Еще полчаса.

За минуту до десяти он вышел из трапезной и отправился в ванную почистить зубы. По дороге встретил Барбару Ярчик. Та взглянула на него вопросительно, видя, что врач идет в сторону, противоположную залу.

– Я сейчас, – махнул он ей.

Не успел он выдавить пасту, как услышал крик.

2

Теодора Шацкого разбудило то, что обычно будило по воскресеньям. Нет, не головная боль с похмелья, не жажда, не потребность сходить по-маленькому и не солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь соломенные жалюзи; не дождь, барабанивший по крыше над балконом. Это

⁷ Две команды: краковская «Висла» и варшавская «Легия» доминировали в польской футбольной Высшей лиге, наподобие московских «Спартака» и ЦСКА.

⁸ Две команды: краковская «Висла» и варшавская «Легия» доминировали в польской футбольной Высшей лиге, наподобие московских «Спартака» и ЦСКА.

была Хелька, его семилетняя дочка, запрыгнувшая на Шацкого с разбегу с такой силой, что кушетка из ИКЕА затрещала.

Он открыл один глаз, и на него сразу упала каштановая кудряшка.

– Видишь? Бабушка сделала мне локоны.

– Вижу, – сказал он и отодвинул волосы с глаза. – Жаль, она тебя ими не связала.

Поцеловав дочку в лобик, он скинул ее с себя, встал и пошел в туалет. Он уже был в дверях комнаты, когда с другой стороны постели что-то зашевелилось.

– Набрызгай мне воды для кофе, – услышал он мурлык из-под одеяла.

Концерт по заявкам, как и всякий выходной. Он сразу почувствовал раздражение. Пропал Шацкий десять часов, но чувствовал себя невероятно усталым. Он уже не помнил, когда это началось. Мог лежать в постели хоть до полудня и все равно вставал с неприятным привкусом во рту, песком в глазах и болью, тлеющей где-то между висками. Бесплезно.

– Почему ты не скажешь просто, чтобы я сварил тебе кофе? – обратился он с претензией к жене.

– Я сама сварю, – он едва различал ее слова, – не хочу морочить тебе голову.

Шацкий поднял глаза к небу в театральном жесте. Хелька рассмеялась.

– Ты всегда так говоришь, а потом я все равно готовлю тебе кофе.

– Не надо. Я прошу тебя только налить воды.

Он справил нужду и заварил жене кофе, стараясь не глядеть на гору грязной посуды в раковине. Четверть часа на мытье, если она пожелает приготовить обещанный завтрак. Боже, как он устал. Вместо того чтобы проспать до полудня, а потом сесть за телевизор, как все прочие жители этой патриархальной страны, он строит из себя супермужа и супергероя.

Вероника выкарабкалась из постели и встала в прихожей, внимательно разглядывая себя в зеркале. Он тоже посмотрел на нее критическим взглядом. Сексуальной она была всегда, но моделью ее не назовешь. Кроме того, трудно найти объяснение второму подбородку и животику. Ну, и ти-шорт 1. Он не требовал, чтобы жена каждую ночь спала в тюле и кружевах, но, черт возьми, почему она постоянно носит ти-шорт⁹ с выцветшей надписью «Disco fun», сохранившийся, вероятно, со времен посылок с заграничными подарками! Он подал жене чашку. Та взглянула на него припухшими глазами и почесала под грудью. Поблагодарив, чмокнула его мимоходом в нос и отправилась принимать душ.

Шацкий вздохнул, провел ладонью по снежно-белым волосам и отправился на кухню.

В самом деле, что тут такого? – подумал он, пытаясь выудить губку из-под горы грязных тарелок. Сварить кофе – одна минута, помыть посуду – другая, приготовить завтрак – третья. Какие-то полчаса, и все будут счастливы. Он почувствовал еще большую усталость при мысли о времени, утекающем сквозь пальцы. Стояние в пробках, тысячи пустых часов, проведенных в суде, бессмысленные перерывы в работе, заполняемые в лучшем случае раскладыванием пасьянса, ожидание чего-то и кого-то, ожидание ожидания... Ожидание в качестве оправдания того, что можно ничего не делать. Ожидание как самая мучительная профессия в мире. Шахтерударник не так устает, как я, мысленно пожаловался он себе, пытаясь поставить стакан на сушилку, где решительно не хватало места. А почему сначала не снять вымытую посуду? К чертям все. Неужели у каждого такая изматывающая жизнь?

Зазвонил телефон. Хеля взяла трубку. Он прислушивался к разговору, идя в комнату и вытирая руки о полотенце.

– Папа дома, но не может подойти: он сейчас моет посуду и жарит нам яичницу...

Он вынул трубку из руки дочери.

– Шацкий. Слушаю.

⁹ От англ. *T-shirt* — рубашка с короткими рукавами.

– День добрый, пан прокурор! Не хочу огорчать, но сегодня вам не удастся изжарить яичницу, разве что на ужин, – услышал он знакомый голос с напевным русским акцентом на другом конце провода, голос Олега Кузнецова из комендатуры на Волчьей.

– Олег, умоляю, не делай этого!

– Это не я, пан прокурор, а город вас призывает.

3

Большой старый «Ситроен» проплыл под пилоном Свентокшиского моста¹⁰ с грацией, которой позавидовали бы многие автомобили, ехавшие там же подобно нахальному продакт-плейсменту¹¹ в польских романтических комедиях. Может, этот Пискорский¹² и жулик, – подумал Щацкий, но два моста стоят. При власти Утенка¹³ и думать было нечего, чтобы кто-нибудь решился на подобную инвестицию.

Особенно перед выборами. Вероника была юристом в городском правлении и не раз рассказывала, как теперь принимают решения: на всякий случай, их вообще не принимают.

Он съехал на Повисле¹⁴ и – как обычно – вздохнул с облегчением. Тут он у себя дома. Десять лет прожил на Праге и никак не мог привыкнуть. Старался, но его новая «малая родина» имела всего одно достоинство – находилась недалеко от Варшавы. Проехал театр «Атенеум», где когда-то влюбился в «Антигону в Нью-Йорке»¹⁵; госпиталь, где родился; спортивный центр, в котором учился играть в теннис; парк под зданиями парламента, где безумствовал на санках с братом, и бассейн, где научился плавать и схватил грибок. Он был в Центре. В центре своего города, центре своей страны, центре своей жизни. Самом некрасивом из всех доступных его воображению *axis mundi*¹⁶.

Он проехал под рассыпающимся виадуком, свернул в Лазенковскую и припарковался перед Домом культуры, тепло вспоминая о находящемся в двухстах метрах далее стадионе, на котором столичные ребята только что разнесли в пух и прах «Белую Звезду». Спорт он не увлекался, но Вероника была такой заядлой болельщицей, что волей-неволей ему пришлось выучить наизусть результаты всех матчей «Легии» за последние два года. Завтра его жена наверняка отправится в трехцветном шарфике на четвертьфинал кубка.

Он запер машину и взглянул на строение на противоположной стороне улицы – одно из самых курьезных зданий столицы, рядом с которым Дворец культуры или микрорайон «За железными воротами» показались бы примером малоинтересной, серой архитектуры. Когда-то в нем размещался приходской костел Матери Божией Ченстоховской, уничтоженный во время войны, один из центров сопротивления повстанцев¹⁷. Не восстанавливаемый на протяжении десятилетий, он наводил страх своими мрачными развалинами, обломками колонн и открытыми подвалами. Когда его в конце концов воскресили, он стал визитной карточкой хаотичной городской застройки. Каждый, кто проезжал Лазенковской трассой, видел эту кирпичную химеру, помесь костела с монастырем, крепостью и дворцом Гаргамеля¹⁸. В этом месте некогда появился Злой Дух. А теперь в нем нашли мертвое тело.

¹⁰ *Свентокшицкий мост* – первый в Варшаве вантовый мост через Вислу, построенный в 2000 году.

¹¹ От англ. *product placement* – скрытая реклама, использующая товары реальных брендов вместо театрального реквизита.

¹² *Матеуш Пискорский* (род. 1977) – польский политик и политолог, депутат польского сейма V созыва.

¹³ Прозвище Качиньского (от польск. *kaczor* – «утенок»).

¹⁴ *Повисле* – прибрежный район центральной Варшавы.

¹⁵ «*Антигона в Нью-Йорке*» – пьеса Януша Гловацкого, поставленная в театре «Атенеум» в 1993 году с Марией Циунелис в главной роли.

¹⁶ *Axis mundi* – ось мира (*лат.*).

¹⁷ Имеется в виду Варшавское восстание 1944 года.

¹⁸ *Гаргамель* – персонаж мультсериала, фильмов и комиксов о Смурфах.

Шацкий поправил галстук и перешел на другую сторону улицы. Начинало моросить. У ворот стоял микроавтобус и полицейская машина без знаков. Рядом несколько зевак, вышедших с утренней мессы. Олег Кузнецов разговаривал с техником из Центральной криминалистической лаборатории. Прервав разговор, он подошел к Шацкому. Пожали руки.

– Ты что, собираешься потом на коктейль на Розбрате¹⁹? – пошутил полицейский, поправляя ему лацканы пиджака.

– Слухи о связи прокуратуры с политиками такие же необоснованные, как сплетни о дополнительных источниках доходов у некоторых варшавских полицейских, – парировал Шацкий. Он не любил, когда смеялись над его одеждой. Независимо от погоды, на нем всегда был пиджак с галстуком, ведь он – прокурор, а не развозчик фруктов по овощным лавкам.

– Что мы имеем? – спросил он, вытаскивая сигарету. Первую из трех, которые позволял себе ежедневно.

– Один труп, четверо подозреваемых.

– Боже, опять какая-нибудь алкогольная стычка. Не думал, что в этом дьявольском городе и в костеле можно столкнуться с малиной. Да еще порезали друг друга в воскресенье, уважения ни на грош. – Шацкий определенно расстроился. Он был взбешен еще и оттого, что его семейное воскресенье пало жертвой убийства.

– Ты не совсем прав, Тео, – проворчал Кузнецов, крутясь во все стороны в поисках позиции, где ветер не задувал бы пламя зажигалки. – В этом здании, помимо костела, есть куча разных фирм. Помещения сдаются: школе, центру здоровья, разным католическим организациям, есть даже что-то вроде классов для реколлекций²⁰. Разные группы приезжают сюда на уик-энды, чтобы молиться, разговаривать, слушать проповеди и так далее. Как раз сейчас на три дня помещение снял психотерапевт с четверкой пациентов. Они работали в пятницу, субботу и после ужина расстались. Сегодня на завтрак пришел только врач и трое пациентов. Четвертого нашли минуту спустя. Увидишь сам, в каком виде. Их комнаты – в отдельном крыле, туда нельзя попасть, минуя вахту. На окнах решетки. Никто ничего не видел и не слышал. И пока никто не сознался. Один труп, четверо подозреваемых – трезвых и хорошо обеспеченных. Что ты на это скажешь?

Шацкий погасил сигарету и сделал несколько шагов, чтобы бросить окурок в урну. Кузнецов щелчком выстрелил свой на улицу, прямо под колеса автобуса № 171.

– Я не верю в такие истории, Олег. Сразу выяснится, что вахтер проспал полночи и какой-нибудь жулик пробрался внутрь, чтобы раздобыть денег на вино, по дороге столкнулся с бедным нервнобольным, перепугался больше него и от страха всадил перо. Ему нужно похвататься кому-нибудь из твоих доносчиков, и дело будет закрыто.

Кузнецов пожал плечами.

Шацкий верил в то, что наговорил Олегу, но чувствовал нарастающее любопытство, когда они миновали вход и по узкому коридорчику направились к залу, где лежало тело. Он сделал глубокий вдох, чтобы справиться с волнением и одновременно с боязнью перед контактом с трупом. Но когда увидел тело, на лице уже читалось профессиональное безразличие. Теодор Шацкий спрятался за маску чиновника, стоящего на страже правопорядка в Речи Посполитой.

4

Мужчина в сером костюме, около пятидесяти лет, немного грузный, сильно поседевший и без лысины, лежал навзничь на покрытом зеленоватым линолеумом полу, совершенно не соответствующем куполу в форме креста.

¹⁹ На улице Розбрат находилось кафе «Ротонда», где часто устраивали приемы.

²⁰ *Реколлекции* — духовные занятия, проводимые обычно перед Великим постом.

Рядом с ним стоял серый старомодный чемодан, закрывающийся не на защелку, а на два металлических замка, дополнительно страхуемых короткими поясками с застежками.

Крови было совсем немного, но Шацкий не чувствовал себя лучше из-за этого. Ему стоило больших усилий подойти уверенным шагом к жертве и присесть на корточки у головы. У него разыгралась желчь. Он проглотил слюну.

– Отпечатки? – спросил он равнодушно.

– На орудии убийства отпечатков нет, пан прокурор, – ответил старший техник, присевший с другой стороны тела.

– Мы их собрали в других местах, как и микроследы. Нужно ли брать пробы запахов?

Шацкий отрицательно покачал головой. Если погибший два последних дня пребывал в обществе людей, один из которых его убил, запах не поможет. Столько раз ему опровергали эту улику в суде, жаль напрасно затруднять техников.

– А что это такое? – обратился он к Кузнецову, показывая на острие с черной пластмассовой ручкой, торчащее из правого глаза жертвы. Благодаря вопросу он мог с облегчением перевести взгляд на полицейского, вместо того чтобы рассматривать бордово-серую массу, которая когда-то была глазом мужчины, а теперь запеклась на его щеке, формой напоминая гоночный автомобиль «Формулы-1».

– Вертел, – ответил Олег. – Или что-то вроде. В столовой их целый комплект, в таком же стиле. Ножи, вилки, тесак.

Шацкий покивал. Орудие убийства взято на месте. Какова вероятность, что убийца пришлый? Почти нулевая, суд теоретически может признать, что тут была толпа, как на Маршалковской, которую никто не заметил. А все сомнения... и так далее.

Он задумался, как разыграть встречу со свидетелями, которые фактически были подозреваемыми. Тут в зал заглянул некто в мундире.

– Пан комиссар, приехала вдова. Не желаете ли?

Прокурор и Олег вышли во двор.

– Как его звали? – шепнул он Кузнецову.

– Хенрик Теляк. Жена – Ядвига.

У милицейского автобуса стояла женщина из разряда тех, кого мужчины обычно называют красивыми. Довольно высокая, стройная, в очках, с темными волосами в легкой седине и решительными чертами лица. Одетая в светло-зеленое платье и сандалии.

Когда-то она, вероятно, была неотразима, да и сейчас гордо носила исчезающую красоту. Кузнецов подошел к ней и поклонился.

– День добрый, меня зовут Олег Кузнецов, я комиссар полиции. А это прокурор Теодор Шацкий, он будет вести следствие. Прошу принять наши глубочайшие соболезнования. Обещаем сделать все, что в наших силах, чтобы найти и наказать убийцу вашего мужа.

Женщина кивнула. Взгляд был отсутствующий, видимо, она приняла успокоительное. Возможно, еще не вполне осознала произошедшее. Шацкий знал, что первой реакцией на смерть близкого человека часто становится неверие. Боль приходит позднее.

– Как это случилось? – раздался вопрос.

– Разбойное нападение. – Шацкий лгал так гладко и с такой уверенностью, что ему не раз советовали заняться адвокатурой. – Пока все указывает на то, что ночью взломщик случайно наткнулся на вашего мужа. Вероятно, пан Хенрик пытался его задержать. А вор его убил.

– Как? – спросила она.

Мужчины обменялись взглядами.

– Вашему мужу нанесли удар в голову острым предметом. – Шацкий не переносил криминалистический новояз, но тот лучше подходил, чтобы очистить смерть от драматургии. Сказанное звучало мягче, чем «кто-то вбил ему вертел в мозг через глаз». – Умер мгновенно. Врач утверждает, что он не успел почувствовать боль, – так быстро наступила смерть.

– Ну, хотя бы так, – сказала женщина после минутного молчания и в первый раз подняла голову. – Можно его увидеть? – спросила она, глядя на Шацкого, перед глазами которого моментально встало серое пятно в форме гоночной машины.

– В этом нет необходимости.

– Я хотела бы с ним попрощаться.

– Идет фиксация следов, – добавил Кузнецов. – Атмосфера не слишком интимная, к тому же, прошу поверить, зрелище не из приятных.

– Ну, как хотите, – покорно согласилась она. Шацкий сдержал вздох облегчения.

– Я могу идти?

– Конечно. Прошу только оставить ваши координаты. Мне придется с вами поговорить. Женщина продиктовала Кузнецову адрес и телефон.

– А тело? – спросила она.

– К сожалению, придется делать вскрытие. Но самое позднее в пятницу его сможет забрать похоронное бюро.

– Хорошо. Может, удастся устроить похороны в субботу. Полагается хоронить до воскресенья, иначе в том же году умрет еще кто-нибудь из семьи.

– Это предрассудок, – ответил Шацкий. Он вынул из кармана две визитки и вручил вдове.

– На одной – мои телефоны, на другой – организации, которая помогает семьям жертв преступлений. Советую туда позвонить. Вам помогут.

– Они занимаются воскрешением мужей?

Шацкому не хотелось, чтобы разговор принял подобную окраску. Сюрреалистические замечания обычно предшествуют истерике.

– Скорее, воскрешают живых. Возвращают к жизни, куда люди часто не хотят возвращаться сами. Конечно, вы вольны делать, что пожелаете. Я только говорю, что эти люди способны помочь.

Вдова кивнула и спрятала обе визитки в сумочку. Комиссар и прокурор попрощались с ней и вернулись в строение.

Олег спросил, не желает ли Шацкий встретиться с людьми, проходившими терапию. Он еще не решил, как все разыграть, и хоть вначале собирался сделать это здесь и сразу, теперь счел, что встречу лучше отложить, чтобы их помучить. Старый добрый метод лейтенанта Коломбо. Он пытался представить, о чем они думают – *omen est omen*²¹ – преследуя свои цели. Наверное, перебирают в памяти каждое слово и жест за последние два дня, ища подсказки, кто из них мог оказаться убийцей. Конечно, кроме самого убийцы – тот, в свою очередь, проверяет, не выдал ли себя чем-то. И все при достаточно сенсационном предположении, что убийца – один из них. Можно ли исключить вариант, что убийца пришел извне? Нет, нельзя. Как обычно, на данном этапе ничего нельзя исключать. Да, дело может стать интересным, приятно отличающимся от обычных городских убийств: вонь, пустые бутылки и юшка крови на стенах; рыдающая на полу женщина, выглядящая на тридцать лет старше данных метрики; изумленные, не пришедшие в себя собутыльники, не верящие, что кто-то из них по пьяни зарезал приятеля. Сколько раз видел он это?

– Не сейчас, – ответил он. – Послушай, что мы сделаем. Допроси сначала ты, в конце концов так принято. Но только сам, а не патрульный милиционер, две недели назад живший с папой и мамой в предместьях Седлец. Говори спокойно и непринужденно, обращайся с каждым как со свидетелем. Спроси, когда они в последний раз видели Теляка, когда с ним познакомились, что делали ночью. Не спрашивай, что их объединяет и о ходе лечения, пусть почувствуют себя в безопасности. А у меня так будет повод вызвать их еще пару раз.

²¹ Имя – это все (*лат.*).

– Ну ты голова, – удивился Олег. – Хочешь с ними поиграть, чтобы подготовить почву. Составлять протоколы, писать разборчиво, дать прочитать...

– Выбери себе какую-нибудь стажерку, пусть пишет протоколы круглыми буквами. Встретимся утром на Волчьей, обменяемся впечатлениями, поговорим и решим, что делать дальше. Правда, мне нужно быть на объявлении приговора по делу Пещоха, но я попрошу Эву сходить вместо меня.

– Поставишь кофе.

– Смилуйся. Я государственный служащий, а не гаишник. Моя жена – тоже государственная служащая. Мы пьем растворимый кофе на работе и никому не ставим.

Олег вытащил сигарету. Шацкий еле удержался, чтобы не последовать его примеру: не хотел, чтобы на конец дня оставалась всего одна, последняя сигарета.

– Поставишь кофе, не о чем говорить.

– Ты паршивый русский.

– Я знаю, мне все так говорят. Так как, в «Горячке» в девять?

– Ненавижу этот притон «мусоров».

– В «Браме»?

Шацкий кивнул. Олег проводил его к машине.

– Боюсь, трудно нам будет, – произнес полицейский. – Если убийца не совершил ни одной ошибки, а остальные ничего не видели, – могила.

Шацкий не сдержал улыбку.

– Ошибки бывают всегда, – заключил он.

5

Он не помнил, когда его так баловала погода в Татрах. С вершины Копы Кондрацкой открывался прекрасный вид на все четыре стороны, только вдаль над словацкой частью Высоких Татр виднелись маленькие тучки. С тех пор как ранним утром он припарковался в Кирах и после короткой прогулки через Коцелиско²² стал взбираться на Червоне Верхи, ему все время сопутствовало солнце. С середины дороги, когда тропинка круто пошла вверх, низкий косою кустарник уже не давал шансов на тень, а поблизости не было ни ручейка, так что горная прогулка превратилась в марш по раскаленной сковородке. Ему припомнились рассказы об американских солдатах во Вьетнаме, у которых, говорят, во время дневного патрулирования мозговая жидкость закипала под раскаленными солнцем касками. Он всегда считал это ерундой, но теперь испытывал нечто подобное, хотя его голову защищала не каска, а бежевая шапочка, привезенная на память из австралийского путешествия много лет назад.

Когда он приблизился к гребню, перед глазами пошли черные точки, а ноги сделались ватными. Ему оставалось лишь проклинать себя – семидесятилетнего идиота, которому кажется, что все можно делать, как прежде: пить, любить, ходить по горам...

На гребне он упал без сил на землю, позволив ветерку охладить тело, и стал вслушиваться в бешеный ритм сердца. Ничего не поделаешь, подумал он, видимо, придется спускаться в Темняк, а не на Маршалковскую. Когда сердце успокоилось, он подумал, что лучше было бы закончить жизнь в Малолончнике, – это приятнее, нежели проклятый Темняк. Не хватало еще, чтобы после его смерти о нем рассказывали анекдоты. Поэтому он потащился в Малолончник, попил там кофе из термоса, стараясь не думать о мышце номер один, и с разгона добрался до Копы. Странное дело, похоже, слабое сердчишко вкупе со старческой дуростью на сей раз его не прикончит. Он налил очередную чашку кофе, вытащил завернутый в фольгу бутерброд и стал наблюдать за тридцатилетними толстопузиками, которые взбирались на несчастную Копу

²² Коцелиско — поселок рядом с Закопане.

с таким усилием, будто это был семитысячник. Ему захотелось дать совет: брать с собой кислородные маски.

Как можно так распускаться? – думал он, с презрением глядя на едва волочивших ноги туристов. В их возрасте он мог с утра пораньше пробежаться от приюта в Кондратовой до Копы и вернуться назад через Пекло – для разогрева и чтобы нагулять аппетит к завтраку. Да, были времена. Все ясно, имеет смысл и доступно.

Он протянул к солнцу свои загорелые и все еще мускулистые икры, покрытые седыми волосами, и включил мобильник, намереваясь послать СМС жене, ждущей его в пансионате у Стражиско. Едва включившись, телефон сразу зазвонил. Мужчина выругался и нажал «прием».

– Да?

– День добрый, говорит Игорь. У меня для вас известие.

– Да?

– Хенрик скончался.

– Как это случилось?

– Боюсь, несчастный случай.

Он ни секунды не раздумывал, что ответить.

– Печальное известие. Я постараюсь вернуться завтра, но надо как можно быстрее заказать некролог. Ты понял?

– Конечно.

Он выключил телефон. Писать жене расхотелось. Допил кофе, надел рюкзак и двинулся в сторону перевала под Копой. Он еще выпьет пива на Калатувках²³ и решит, как объяснить жене, что нужно возвращаться в Варшаву. Они прожили вместе почти сорок лет, а такие разговоры его по-прежнему напрягали.

6

Прокурор Теодор Шацкий включил мощный трехлитровый мотор V6 «ситроена» с некоторым трудом – газовая система снова барахлила, подождал, пока гидравлика поднимет его дракона с земли, и двинулся в направлении Вислострады, намереваясь переехать по Лазенковскому мосту на другой берег. В последний момент передумал, свернул в сторону Вилянова и остановил машину на автобусной остановке у улицы Гагарина. Включил аварийку.

Давно, десять лет назад – можно сказать, пару столетий, – они жили здесь с Вероникой, когда Хельки еще не было на свете. Студия на третьем этаже, оба окна на Вислостраду. Кошмар. Днем – один тир за другим, после заката – ночные автобусы и «малюхи»²⁴, мчащиеся со скоростью сто десять в час. Он научился различать марки автомобилей по звуку моторов. На мебели в квартире собирался толстый слой жирной черной пыли, окно становилось грязным уже через полчаса после мытья. Хуже всего было летом: приходилось открывать окна, чтобы не задохнуться, но тогда было невозможно разговаривать и смотреть телевизор. Другое дело, что они тогда чаще любились, чем слушали последние известия. А теперь? Он не был уверен, что они дотянули бы до среднего уровня по стране, который когда-то их насмешил. Как? Неужели есть люди, занимающиеся этим всего раз в неделю? Ха-ха-ха!

Шацкий фыркнул и приоткрыл окно. Дождь лил в полную силу, и капли попадали внутрь, оставляя темные следы на обивке. В «их» окне крутилась невысокая блондинка в блузке на бретельках с волосами до плеч.

²³ *Калатувки* — горнолыжный комплекс вблизи Закопане.

²⁴ *«Малюха»* — польский «Фиат 126».

Интересно, что было бы, думал Шацкий, если бы я сейчас припарковался во дворе, вошел в квартиру на третьем этаже, а там меня ждала бы эта девушка. Если бы у меня была совершенно другая жизнь, пластинки с иной музыкой, другие книги на полках, если бы я ощущал другой запах лежащего рядом тела. Можно было бы пойти на прогулку в Лазенки, и я бы рассказал ей, почему мне пришлось сегодня быть на работе – предположим, в архитектурной мастерской, а она бы мне сказала, что я молодец и она купит мне мороженое у Театра на Острове. Все было бы по-другому.

Какая подлость, пришел к выводу Шацкий, что у нас всего одна жизнь, и та быстро надоедает.

Лишь одно ясно, подумал он, поворачивая ключ. Мне нужна смена. Я нуждаюсь в смене, черт побери.

Раздел второй

Понедельник, 6 июня 2005 года

Отец Хеймо прислал из Рима специальное заявление, в котором долго и путано объясняет, что не сотрудничал с СБ²⁵. В том же Риме папа Бенедикт XVI повторно выразил протест Костела относительно гомосексуальных браков, абортот и генной инженерии. Верный Костелу кандидат в президенты Лех Качиньский заявил, что запретит гей-парады, и подчеркнул, что упорство «некоторых кругов», очевидно, связано с предстоящими выборами. Бывший президент Лех Валенса пригласил нынешнего президента и его супругу на свои именины. В Варшаве Иоанна Райковская монтирует свежие листья на пальме в Аллеях Иерусалимских, в ДПЗ на Раковецкой первый концерт дает организованная там рок-группа, а неподалеку, на Спацеровой, восьмидесятишестилетняя женщина не смогла за сутки выбраться из ванны. Вечером состоятся полуфиналы Кубка Польши: «Легия» играет на своем поле с «Гоцлином», а «Висла» – с «Заглембе» из Любина. Максимальная температура в столице – 18 градусов, небольшой дождь, облачно.

1

Шацкий отвел дочку в садик, завез Веронику на Медовую, в городское правление, и ровно в девять сидел в «Браме» на Кручей, ожидая Олега. Ему хотелось есть, но было жалко тратить полтора десятка злотых на завтрак. С другой стороны, подумал он, месяц только начинается, деньги на счету еще есть. Не затем же он столько лет мучился в университете, на практике и в стажировках, чтобы теперь не иметь возможности заказать себе завтрак. Он заказал омлет с сыром и помидорами.

Официантка как раз ставила перед ним еду, когда появился Кузнецов.

– Прошу, прошу, – сказал он, садясь с другой стороны столика. – А ты принес баночку с растворимым кофе, чтобы тебе его здесь приготовили?

Шацкий воздержался от комментария, лишь выразительно поглядел на полицейского. Кузнецов заказал черный кофе и вытащил пачку бумажек.

– Вот тебе служебная записка, протокол осмотра места и показания свидетелей. Еще протоколы обысков, ты должен мне их утвердить. Я послушался твоего совета и призвал на помощь практикантку. Глянь, какие красивые круглые буковки. Пишет так же красиво, как выглядит.

– Не встречал ни одной красивой полицейской, – зло заметил Шацкий.

– Вероятно, тебе не нравятся мундиры. А я всегда представляю их в одной фуражке и блузочке на голое тело, застегнутой на две пуговицы...

– Лучше расскажи, как было вчера.

Кузнецов поудобнее разместил свое костистое тело на стуле и сложил руки, будто для молитвы.

– Я почти уверен, – начал он серьезно и торжественно, – что убил камердинера.

Шацкий положил вилку на край тарелки и тяжело вздохнул. Контакты с полицейскими порой напоминали ему работу воспитателя, у которого все дети в классе страдают ADHD²⁶. Требуется большое терпение и выдержка.

– А какая будет пуэнта²⁷? – спросил он холодно.

²⁵ СБ — Служба (государственной) безопасности.

²⁶ ДВГА — дефицит внимания и гиперактивность.

²⁷ Пуэнта (от фр. *point*) – концовка, разгадка.

Кузнецов покрутил головой с недоверием.

– Ты страшный чинуша, Теодор. Сейчас прочтешь, что они сказали. Никто никого не знает, никто ни о чем не слышал, ничего не видел. Им всем ужасно жаль, все потрясены. Познакомились с ним неделю назад, только врач Рудский знал его дольше, примерно с год. Все заметили, что пострадавший был грустным, замкнутым, в депрессии. Говорили так убедительно, что в какой-то момент я подумал, не совершил ли тот самоубийство.

– Ты шутишь. Вбив себе вертел в глаз? – Шацкий вытер губы салфеткой. – Даже неплохой омлет.

– Вот именно, малоправдоподобно. Но раз люди способны выстрелить себе в голову или откусить собственный язык, а потом проглотить его, сам понимаешь. На всякий случай спроси у патологоанатома. Кстати, о языках. Мне недавно рассказали историю об одной логопедке, у которой язык был таким натренированным, что она им удавилась во время упражнений. Неплохо, а?

– А твои впечатления? – спросил Шацкий, не комментируя анекдот.

Кузнецов причмокнул и задумался. Шацкий терпеливо ждал. Он знал, что мало найдется людей с таким же быстрым и пронизательным умом, как у этого громадного и чересчур добродушного полицая с русской фамилией.

– Сам увидишь, – произнес тот наконец. – Все произвели очень хорошее впечатление. Никто не был ни ненатурально владеющим собой, ни неестественно возбужденным или поверженным в шок. А ведь часто так узнаешь убийцу. Тот притворяется холодным как камень либо обезумевшим от отчаяния. Любое отклонение от нормы подозрительно, а эти все в норме. Более или менее.

– Или кому-нибудь из них известно, как он должен себя вести, – подсказал Шацкий.

– Да, врачу. Я тоже об этом думал. Кроме того, он больше других знал пострадавшего, вероятны мотивы. Я даже собирался запереть его на сорок восемь, если бы он чем-нибудь себя выдал. Но ничего подобного. Слегка заносчивый и нахальный, как все эти долбанные психи. Однако я не заметил, чтобы он лгал.

Дело говно, подумал Шацкий и движением руки остановил официантку, которая собиралась вместе с тарелкой забрать булочки и масло. Он столько заплатил, что съест все до последней крошки.

– Может, действительно несчастный случай при столкновении с каким-нибудь грабителем, – проговорил он.

– Может, – согласился Кузнецов. – Это все образованные, умные люди. Ты веришь, что кто-нибудь из них решился бы на убийство в таком театральном месте? Не нужно читать детективы, чтобы понять: нам предстоит принюхиваться к следам до конца. Никто в трезвом виде не совершает таких идиотских убийств. Нет смысла.

Кузнецов был прав. Дело становилось интересным. Похоже, им действительно придется искать мелкого грабителя, который случайно оказался убийцей. То есть нужно действовать шаблонно, подумал Шацкий, составляя в уме список поручений.

– Сообщите в прессе, что мы ищем людей, которые крутились там ночью и могли что-то видеть. Допросите всех ночных сторожей, охранников, ксендзов, работавших там в выходные. Узнайте, кто шеф замка и с кем Рудский заключил договор о найме, чтобы с ним потолковать. Я сам собираюсь поехать туда на неделе и внимательно все осмотреть.

Кузнецов кивнул, поручения прокурора были само собою разумеющимися.

– Только напиши в свободное время для меня бумажку, чтобы было основание.

– Ясно. И еще одна просьба, уже без бумажки.

– Ну?

– Последи несколько дней за Рудским. У меня нет никаких оснований его обвинять, но на сегодняшний день он самый подозрительный. Боюсь, смоемся, и делу конец.

– Как это конец? Ты что, не веришь, что наша бравая полиция его найдет?

– Не смей меня. У нас достаточно сменить место прописки, чтобы исчезнуть навеки. Кузнецов громко рассмеялся.

– Да ты не только чинуша, но и циник, – сказал он, вставая из-за стола. – Передай привет своей прекрасной и весьма сексуальной супруге.

Шацкий удивленно приподнял бровь. Он не был уверен, что Кузнецов имеет в виду ту женщину, которая слонялась по его дому, жалуясь каждый день на новые болезни.

2

По пути в свою комнату Шацкий взял в канцелярии новую папку для дела. На ней стоял номер IDs 803/05. Невероятно. Еще немного, и у них будет тысяча зарегистрированных следствий, не побьют ли они прошлогодний рекорд? Похоже на то, что маленький лоскуток Варшава-Центра – самый темный пункт на уголовной карте Польши. Правда, большинство следствий касалось хозяйственных, финансовых и бухгалтерских прегрешений, которыми занимался специальный отдел. Все из-за того, что около 80 % всех польских фирм разместили свои офисы между площадью Люблинской Унии и Банковой площадью. Однако хватало и обычной уголовщины. Почти двадцать прокуроров в Первом следственном отделе районной прокуратуры занимались кражами, грабежами, изнасилованиями, драками. А часто и такими делами, которыми теоретически должны были заниматься специалисты по организованной преступности окружной прокуратуры. На практике звезды из ОП выбирали себе самые интересные дела, а «обычную стрельянину» оставляли в районах. Результат был таков, что окружной прокурор одновременно вел несколько дел, а районный – несколько десятков. Вплоть до сотни, если к текущим делам присовокупить те, которые лежали в шкафах, ожидая появления свидетеля либо рассмотрения в суде, а он мог многократно откладываться. Шацкий, имевший довольно комфортную позицию – он занимался только убийствами, на прошлой неделе попытался сосчитать все свои дела. Вышло сто одиннадцать. С Теляком – сто двенадцать. Сто одиннадцать, если сегодня вынесут результативный приговор по делу Пещоха, и сто тринадцать, если это дело завернут в прокуратуру. Но не должны, все идеально приготовлено, а Шайнерт, по мнению Шацкого, был лучшим судьей Варшавского округа.

Увы, отношения прокуратуры и судов с каждым годом ухудшались. Хотя работа прокурора была ближе к занятию судей, чем полицейских, а прокуратура была «вооруженной рукой» третьей власти²⁸, дистанция между сотрудниками с фиолетовым и красным орнаментами на мантиях увеличивалась. Месяц назад начальница Шацкого поехала в суд в Лешно с просьбой ускорить рассмотрение громкого дела о групповом изнасиловании в спортивном центре на Нововойской. Ее отругали; она услышала, что суды независимы и прокурор не смеет указывать им, как работать. Смешно. Полбеда, если бы вражда сводилась к оскорблениям. С приговорами дела обстояли еще хуже. Шацкому временами казалось, что выиграть можно лишь дело, где обвиняемый уже в первый день следствия во всем признается, а потом троекратно подтверждает свое признание в зале суда. Любой другой вариант – лотерея.

Он поставил зонтик в угол комнаты; ближайšie две недели ее ни с кем не нужно делить: коллега уехала с больным ребенком в санаторий. Третий раз в этом году. Правда, ему добавились два ее дела, но, по крайней мере, не придется смотреть на бардак, который она создавала вокруг. Шацкий сел за стол, где поддерживал безупречный порядок, и вынул листок с телефонами людей с Лазенковской. Взялся было за трубку, но тут в комнату сунула голову Марыля, секретарша его начальницы.

– Тебя приглашают на беседу, – сказала она.

²⁸ Третьей государственной властью принято называть судебную, наряду с законодательной и исполнительной.

– Через четверть часа.
– Она сказала, цитирую: «Если скажет, что через четверть часа, ответь, что я приказала „немедленно“».

– Сейчас приду.

– Она сказала, цитирую...

– Сейчас приду, – повторил он твердо, указывая на телефонную трубку в руке. Марыля закатила глаза и вышла.

Он быстро договорился о встрече после полудня с Барбарой Ярчик и Ханной Квятковской, небольшая проблема возникла только с Эзуебиушем Каимом.

– У меня сегодня встреча под Варшавой.

– Прошу отменить.

– Это очень важная встреча.

– Понимаю. Я должен писать для вас оправдание или сразу прибегнуть к аресту?

Долгая тишина.

– Собственно, она не такая важная.

– Замечательно. В таком случае до встречи в три часа.

Врач не снимал трубку. Шацкий оставил ему СМС-сообщение и ощутил неприятную сдавленность в желудке. Есть надежда, что врач просто на минутку выключил телефон. О других возможностях думать не хотелось. Еще он позвонил в морг и узнал, что вскрытие назначено на среду, в девять утра, и вышел.

– Наши кабинеты, похоже, находятся в разных измерениях времени и пространства, – приветствовала его начальница, – потому что мое «немедленно» равняется у вас десяти минутам, пан прокурор.

– А я не знал, что мне отведен кабинет, – ответил Шацкий, присаживаясь.

Районный прокурор Варшава-Центра, Янина Хорко, кисло улыбнулась. Она была на пару лет старше Шацкого, ее серый костюм сливался с серыми волосами и посеревшей от никотина кожей. Всегда слегка кривящаяся, с хмуро сведенными бровями, она опровергала тезис о том, что не существует некрасивых женщин. Янина Хорко была некрасивой, прекрасно отдавала себе в этом отчет и не пыталась скрыть свои дефекты одеждой или макияжем. Наоборот – сознательно создавала образ женщины жесткой, зловредной и до боли конкретной, что прекрасно согласовывалось с внешним видом, превращая ее в типичную начальницу-ведьму. Новые прокуроры боялись Хорко, а практиканты прятались в туалет, когда она шла по коридору.

В роли прокурора Хорко была великолепна. Шацкий ее ценил, поскольку она была не середнячком, продвинутым кем-то за верность и отсутствие ошибок, а служакой с первой линии фронта. Отслужила свое в районной прокуратуре на Воле, затем – в окружной на Краковском предместье, наконец, попала на Кручую и теперь железной рукой правила самым сложным районом Польши. В своем кабинете ей удавалось превратить самую яркую звезду в щепотку несчастья, но вне его она никогда не выступала против своих людей, не раз серьезно рискуя от их имени. Шацкий слышал, что на Краковском ее тоже боятся, особенно редко опровергают подготовленное ею решение сотрудники отдела предварительного следствия. С Шацким при власти Хорко еще ни разу не случилось, чтобы он по финансовым соображениям не получил согласия на привлечение экспертов (расходы, превышающие две с половиной тысячи злотых, утверждала окружная прокуратура), а в других районах это бывало сплошь и рядом.

Они работали вместе семь лет и питали друг к другу огромное уважение, хотя друзьями не были. Даже не перешли на ты, что устраивало обе стороны. Оба считали, что холодные, официальные отношения способствуют делу. Особенно когда на табличке у дверей – не многоцветное лого фирмы, а герб Речи Посполитой.

Шацкий вкратце изложил суть событий на Лазенковской, рассказал о планах на ближайшие дни и подозрениях, касающихся психотерапевта Рудского. Которые, впрочем, не могли быть основанием для конкретных действий против него.

– Когда вскрытие? – спросила Хорко.

– В среду утром.

– В таком случае прошу до пятнадцати часов в среду представить мне план следствия и его версии. Самое позднее. Напоминаю также, что до конца недели вам следует написать обвинительный акт по делу Нидзецкой. Я доверилась вам и парафировала замену ареста на домашний надзор, но меня это не успокаивает. Я бы хотела, чтобы дело как можно быстрее оказалось в суде.

Шацкий кивнул. Дело откладывалось с прошлой недели, – он не мог определиться с его юридической классификацией.

– Раз уж мы беседуем, еще два вопроса. Во-первых, прошу не злоупотреблять услугами женщин-коллег, которым вы нравитесь, и ходить на свои процессы в суды самому. Во-вторых, я бы хотела, чтобы вы помогли Юреку и Тадеушу с наркотиками.

Шацкому не удалось скрыть гримасу отвращения.

– Что с вами, пан прокурор? У вас что-нибудь болит? Наверное, вы не желаете, чтобы я подумала, будто вы не способны к коллективной работе. В особенности в делах, требующих многотрудных, нудных и не приносящих удовлетворения усилий.

Что правда, то правда, подумал Шацкий.

– Прошу дать мне неделю, чтобы я мог сконцентрироваться на этом убийстве. Наркотиками мы будем заниматься еще не один месяц, я успею подключиться, – сказал он.

– Хорошо, даю неделю. Я скажу Тадеушу, что с понедельника вы будете работать вместе.

На этот раз Шацкому удалось сохранить каменное лицо, хоть и с трудом. Оставалась зыбкая надежда, что за неделю появятся новые трупы, которые спасут его от нудной работы с нудными коллегами.

Аудиенция подошла к концу. Он уже держал руку на ручке двери, когда до него донесся голос начальницы:

– Не думайте, что я говорю вам комплименты, но вы прекрасно выглядите в этом костюме. Как звезда адвокатуры.

Шацкий обернулся с улыбкой. Поправил сколотые модными деревянными запонками манжеты рубашки.

– Это не комплимент, пани прокурор. И вы об этом знаете.

3

Внезапное прекращение отдыха в Закопане привело к тому, что атмосфера в шикарном «Ауди А8», на котором они спешно возвращались в Варшаву, была такой же холодной, как струя воздуха из кондиционера. Жена молча упаковала вещи, без слов провела ночь, отодвинувшись от него как можно дальше на обширном ложе в апартаменте, а утром молча села в автомобиль и молча ехала. Не помог ни ее любимый Гленн Миллер, ни обед в потрясающем греческом ресторанчике, который неведомой прихотью судьбы оказался в Крочицах, в тридцати километрах от Катовицкой трассы. Он специально сделал крюк, зная, как она любит греческую кухню. В общем, пообедали, но она не сказала ни слова.

Когда он остановил машину у их виллы в Лесной Поляне, вблизи Магдаленки²⁹, чтобы высадить жену, и увидел, как она молча направляется к калитке, в нем что-то сломалось. Он выключил долбаного Миллера и открыл дверцу.

²⁹ Магдаленка — элитарная дачная местность в Мазовецком воеводстве.

– Ты лучше подумай, в какую вониючую нору сейчас возвращалась бы с берега Свидера³⁰, если бы не то, чем я занимаюсь, – прокричал он.

В гараж под зданием Intraco, где размещался скромный офис его фирмы, он приехал часом позже. У фирмы хватило бы средств разместиться и в «Метрополитене» либо в одной из высоток на площади ООН, но ему нравилось это место: тут был свой стиль, а панорамой с 32-го этажа можно было любоваться бесконечно. Выйдя из лифта, он кивнул прекрасной как восход солнца в Татрах секретарше и без стука вошел в председательский кабинет. Свой кабинет. Игорь уже ждал. Он встал при виде шефа.

– Садись. Может, ты знаешь, сколько у женщин менопауз? Похоже, я свидетель уже третьей. А ведь меня предупреждали, чтобы не брал молодую жену. Черт бы ее...

Вместо ответа Игорь приготовил питье. Виски Cutty Sark, два кубика льда, немного содовой. Подал стакан председателю, который тем временем вытащил из сейфа ноутбук. Они уселись за столом напротив друг друга.

– Теперь говори, что случилось.

³⁰ Свидер — речка к югу от Варшавы, место летнего отдыха варшавян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.